ЯЗЫК СМИ

Дускаева Лилия Рашидовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой речевой коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: lrd2005@ya.ru

Коняева Юлия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: j.konyaeva@spbu.ru

ТРОЛЛИНГ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА[1]

В статье рассматривается особый тип речевого поведения – троллинг. Отмечается, что троллинг возникает как реакция на изменения условий функционирования СМИ и из анонимного сетевого общения превращается в активно использующуюся традиционными СМИ речевую практику. Интенционально троллинг можно охарактеризовать как разрушающее коммуникацию самоутверждение, грубую корректировку полемистов, уводящих разговор в сторону от предмета полемики либо предложение позабавиться, снять напряжение, развлечься. Структурно троллинг представляет собой в диалогической речи – метатекстовую стимулирующую реплику, которая не предполагает ответа, в монологической письменной речи – особый способ ведения авторской речевой партии. Выделяются смысловые формы троллинга: грубость, издевка, сарказм, либо – подтрунивание, подшучивание над говорящим, обыгрывание содержащейся в чьей-то речи двусмысленности, неопределенности или откровенной глупости.

Ключевые слова: *троллинг, провокация, издевка, медиатекст, речевая практика.*

Lilia R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Speech Communication, St. Petersburg State University, e-mail: lrd2005@ya.ru

Yulia M. Konyaeva, PhD in Philology, Associate Professor at the Chair of Speech Communication, St. Petersburg State University, e-mail: j.konyaeva@spbu.ru

TROLLING IN THE RUSSIAN MEDIA

The article is devoted to a special type of speech behavior known as trolling. It is noted that trolling arises as a response to changes in media operations and from anonymous network communication turns into the speech practice actively used by traditional media. In terms of intention, trolling can be characterized as a self-affirmation destroying communication, a tough correction on the part of polemists

wishing to distract the conversation away from the subject of controversy or a suggestion to have fun and remove stress. In terms of structure, trolling in dialogic speech is a metatextual stimulating remark that does not require an answer and in monologic written speech it is a special way of conducting the author's verbal role. The linguistic prerequisites for trolling are: multi-style variation of language means, polysemy which leads to creating alogisms, stylistic contrasts; in oral speech: shouting the opponent down, a displacement of semantic accents in someone's speech by intonation emphasis or by repetition of the opponent's words. The following semantic forms of trolling are identified: rudeness, mockery, sarcasm, or snickering, poking fun at the speaker, making play with ambiguities, uncertainty and absolute nonsense in someone's speech.

Key words: *trolling, provocation, mockery, media text, speech practice.*

Постановка проблемы

При распространении компьютеро-опосредованной коммуникации ее исследователи сразу обратили внимание на особый тип речевого поведения среди участников сетевого общения – троллинг. Уже в первых упоминаниях о нем подчеркивается его агрессивный характер, проявляющийся в стремлении утвердить себя грубостью, часто издевательским высмеиванием других. Подавляющее большинство исследователей обнаружили в троллинге нарушения сетевого этикета, агрессивное вмешательство в интернет-коммуникацию, нарушение этических норм (Baker, 2001; Donath, 1999; Shin, 2008). Агрессивная направленность этого вида общения подчеркивалась У. Филлипс: «Для троллей сильные негативные эмоции, такие как грусть, отчаяние или страдание (собирательно именуемые «баттхейрт»), – горящие яркими неоновыми огнями мишени. Тролли терзают и кусают своих жертв, пока не пойдет метафорическая кровь, а потом показывают на эту кровь как на доказательство своего превосходства и слабости жертв» (Phillips, 2015: 195).

Однако другие исследователи не ограничивают троллинг лишь деструктивными проявлениями и говорят о его игровом характере, заманивающем собеседников в продолжительное обсуждение какой-то темы (Herring, Job-Sluder, Scheckler and Barab, 2002) или вовлекающем в забаву, веселье (Buckels, Trapnell and Paulhus, 2014). В связи с этим некоторые исследователи обнаруживают в «троллинговом» вмешательстве в коммуникацию положительный эффект, если оно помогает поиску истины или направлено на оживление сетевого общения, на развлечение общением и не оскорбляет участников коммуникации (Семенов, Шушарина, 2011). Итак, основными интенциями троллинга считают две: гру-

бое самоутверждение, приводящее к разрушению коммуникации, или озорство, словесную забаву, приглашение развлечься.

В работах выделяются условия возникновения троллинга, среди которых важнейшее – сетевая среда, где действуют анонимность общения, мгновенность распространения информации и аудиторная диффузность (эти черты называются, например, в работах: Van Djik, 1999; Castells, 2006). Тролль в сети – это смутьян, провокатор (Binns, 2012), агрессор, подстрекатель, возмутитель спокойствия, созданный для того, чтобы «творить зло и причинять вред» (Ксенофонтова, 2009: 290).

В связи с троллингом часто говорят еще об одном негативном проявлении сетевого общения – флейминге: троллингом называют отдельное высказывание, речевое действие, флеймингом – полилогическое взаимодействие (Воронцова, 2016; Спиридонова, Третьякова, 2012). Есть работы, в которых троллинг и флейминг отождествляют (Семенов, Шушарина, 2011; Лутовинова, 2013). Нам представляется более продуктивным следующий подход к дифференциации этих понятий: «В интернет-дискурсе эти коммуникативные явления соотносятся друг с другом как причина и следствие: троллинг – причина, флейминг – следствие. <...> флейминг – это эффективный результат троллинга, достижение адресантом коммуникативной цели» (Воронцова, 2016: 111). Действительно, флейминг возникает в том случае, если провокации тролля достигают нужного ему результата, в общение вовлекаются другие участники, а внутри дискуссии разжигается скандал (‘flame’ с английского – ‘пламя’), при котором уже нет места взаимодействию смысловых позиций.

Троллинг, с его установкой на самопрезентацию, прерывание коммуникативного контакта, устранение в диалоге обмена смыслами, вызвал интерес, главным образом, психологов, социологов, коммуникативистов. В последнее время он привлек внимание медиалингвистов (Галичкина, 2012; Лутовинова, 2013), однако данное в этих статьях определение троллинга как особого речевого жанра интернет-дискурса вызывает у нас глубокие сомнения: жанр – это, по М.М. Бахтину, тип смыслового взаимодействия, а троллинг направлен на прерывание такого взаимодействия, поэтому статус жанра он может иметь отнюдь не во всех случаях.

Обобщая имеющийся опыт изучения троллинга, отметим, что в большинстве случаев исследователи сходятся на том, что троллинг – это присущая сетевому общению и не выходящая за его рамки анонимная речевая стратегия, целью которой является разрушение ком-

муникации посредством провокативных действий (Акулич, 2012; Внебрачных, 2012; Воронцова, 2016; Ксенофонтова, 2009; Семенов, Шушарина, 2011 и др.). Среди основных свойств речевого поведения при троллинге отмечают провокативность, агрессивность в опровержении общего мнения и переход на личности (Воронцова, 2016). Следовательно, как правило, троллинг рассматривается как некооперативная, деструктивная, направленная на эскалацию конфликта речевая стратегия, «нарушающая микроклимат диалогового (полилогового) пространства» (Немыка, Ушаков, 2012: 68). Если даже троллинг затевается не для агрессии, а для вовлечения участников в забаву, развлечение, и эта стратегия оказывается успешной, диалог, направленный на организацию взаимодействия смысловых позиций, конечно, прекращается: забавляясь, участники уходят в сторону от той темы, ради развития которой диалог начинался[2]. Значит, троллинг – это реплицирование, монологизирующее, прерывающее общение, уводящее его в сторону от основной темы.

Как показывает наш анализ медиаречи, троллинг распространился и вышел за рамки сетевого общения, вошел в языковую моду (см. о языковой моде: Костомаров, 1999). Ср.: некоторые исследователи тоже подметили проникновение различных черт троллинга за пределы сети, например в виде шуток и ироничных замечаний в бытовой сфере (Воронцова, 2016). «Троллинговое» речевое поведение взято на вооружение печатными и аудиовизуальными средствами массовой информации и встречается как в диалогической, так и в монологической медиаречи. В русском языке сначала в сетевом жаргоне, а затем и в телевизионной речи стал употребляться глагол *троллить*, в значении которого мы попытаемся разобраться в статье, характеризуя коммуникативные ситуации троллинга в СМИ. Так что для полного понимания лингвистической сущности феномена троллинга необходимо его дальнейшее осмысление.

Лингвистическая сущность троллинга в медиаречи

Троллинг – это особый тип речевого поведения в средствах массовой информации, возникший как реакция на изменения условий их функционирования. Предпосылками его распространения выступает существенный рост числа публикаций в СМИ, цель которых – не доносить аудитории новости об окружающем мире, а продолжать коммуникацию. Действительно, в огромном количестве журналистских сообщений речь идет не о том, что, где, когда

и как произошло, а что, где, когда и как кто-то сказал. Троллинг обращен не к отрицательным сторонам мира, а к нескончаемым актам коммуникации. В глобальном диалоге текстов СМИ троллинг выступает отдельным речевым действием, сопровождающим чей-то акт речи, и обнаруживается в информационном шуме в виде провокативно-стимулирующей реплики, которая может остаться без реакции, но иногда получает ответ.

Психологическими предпосылками для троллинга в устной речи выступают чье-то замешательство, неуверенность в сказанном или, наоборот, чрезмерная самоуверенность, коммуникативные ошибки. Семантические условия – многозначность, неопределенность, двусмысленность слова или высказывания, полистилизм языковых средств – создают «питательную среду» для «передергивания» слова, увода от темы разговора, алогизмов, стилистических контрастов. В устном общении к смещению смысловых акцентов приводят интонационные выделения или повторы в качестве ключевых таких слов в высказывании оппонента, которые сам оппонент не считает ключевыми. Обратимся к анализу материала.

Троллинг в устной диалогической речи

Троллинг встречается в ток-шоу, он добавляет диалогу остроты и снижает смысловую плотность, напряженность диалога. Частота использования этой коммуникативной практики говорит о формировании устойчивой модели ведения телепрограммы, когда, например, приглашают одновременно нескольких непримиримых противников, общение между которыми строится на грани фола. Ведущий поддерживает такой стиль общения, потакая участникам в их желании самоутвердиться. Проанализируем примеры.

Троллинг становится ведущей стратегией поведения у многих участников дискуссии в программе НТВ «Место встречи». Участники дискуссий прерывают и закрикивают друг друга, обвиняя своих оппонентов во лжи. В ходе передачи, пытаясь защититься от троллинга, ораторы то и дело призывают друг друга прекратить перебивать, перекрикивать оппонентов, искажать факты. Но к этим призывам никто не прислушивается. Такое поведение дискутанта, конечно, полностью лишает возможности коммуниканта сообщить какие-то факты, на которых зиждется его смысловая позиция. Никакого анализа проблемы в такой обстановке нет: покричали, каждый продемонстрировал свое присутствие, «выплеснув» на аудиторию свою

порцию эмоций, – разошлись, все остались при своем, но шоу утверждающихся в крике ораторов состоялось. Именно таково поведение участников программы от 11.10.2016 г., посвященной итогам встречи Эрдогана и Путина на Гоа: движение смыслов по всем тематическим векторам выпуска постепенно из-за активного троллинга всех участников останавливается, ведущие свое взаимодействие с участниками программы сводят только к игре по перебрасыванию права на высказывание, сами же участники свое участие видят в том, чтобы «пройтись по кому-нибудь», высказав свои сомнения в «диалогической дееспособности» оппонента. Приведем ту часть диалога, в которой троллем выступает то ведущий, то участники дискуссии:

Сергей Железняк: *Россия предлагает сотрудничество. Россия и не портила отношения с Турцией, инцидент был...*

Андрей Норкин в унисон с СЖ говорит одному из участников – А. Никонову*: Подождите, **сейчас ворвётесь**...*

С. Железняк: *Ещё раз, подождите, можно я закончу? <...>*

А. Норкин: (перебивая) *Подождите, **мы уже готовы сорваться в эмоции**. Подождите, **сейчас ворвётесь**...*

Ольга Белова: *Да, уже готовы. **Срываемся**!*

Из фрагмента видно, что ведущие троекратно «обыгрывают» вступление в диалог оппонента А. Никонова, подшучивая над ним. В первый раз ведущий напрямую обращается к нему, тем самым анонсируя предоставление ему слова с помощью метафорического глагола речи (*сейчас ворвётесь*). Во второй раз, уже обращаясь ко всем присутствующим, предупреждает о предоставлении слова этому дискутанту (*мы уже готовы сорваться в эмоции*). Тактику троллинга подхватывает О. Белова, в третий раз объявляя, как будто подает команду к началу забега: *Срываемся*! Игра ведущих с предоставлением слова оппоненту подспудно приводит аудиторию к мысли, что позиция дискутанта, с которым играют, не заслуживает того, чтобы ее принимать всерьез.

В русле обессмысливания всего произносимого продолжается разговор и далее. Не случайно в какой-то момент дискутанты «перебрасываются» уже словом *ахинея* (‘вздор, бессмыслица’), обвиняя партнера во вздорности говоримого:

Александр Никонов: ***Какую-то ахинею**...*

А. Норкин: *Так, и в чём же **ахинея**?*

С. Железняк: ***Для вас всегда всё ахинея**.*

А. Никонов: *Мудрейший из мудрейших сказал, что запускает, значит, в Россию теперь целую серию турецких товаров. Да! Поми-*

дорами не отделались. ***Целая группа теперь к нам придёт****. Значит, когда-то нам говорили...*

С. Железняк: ***Вы цитрусовые что ли рекламируете****?*

А. Никонов: *Мы закрываем...*

А. Норкин: *То есть вы, Александр Петрович, считаете, что* ***помидоры – это цитрусовые****?*

А. Никонов: *Мы закрываем наших сельхозпроизводителей, давайте сюда...*

С. Железняк: *Да цитрусовые разрешили! Где наши производители, где цитрусовые?*

А. Никонов: *А другие товары...*

О. Белова: *Я насколько читала,* ***там вопрос про цитрусовые и персики, которые у нас не растут****.*

С. Железняк: ***Цитрусовые – это не помидоры! Открою вам правду!***

А. Норкин: *Господа, подождите, Сергей Владимирович, Александр, Александр... Александр, подождите! Когда Вы* ***критикуете вашего оппонента за ахинею, Вы, наверно, сами не должны ахинею допускать в своей речи, правда?*** *Пока про помидоры... Подождите.*

А. Никонов*: Вы что не понимаете, что я светоч мысли?*

А. Норкин: *Да я, Господи Боже мой, если б вы не были светочем мысли, мы б вас не звали, это очевидно. Но, к сожалению,* ***даже светоч должен понимать разницу между цитрусовыми культурами и помидорами.*** *Помидоры любишь – кушай, да.*

Как видим, перед нами поток стимулирующего реплицирования, на который и нет реакции, и никто ее не ждет. Участники дискуссии лишь «троллят» друг друга, не обсуждая проблему. В перепалке участники для оценки речи противника в полемике употребляют слово «ахинея», которое означает в русском литературном языке `вздор, чепуха, чушь, нелепость, бессмыслица, глупости‘ и чаще используется во фразеологизмах с опорными глаголами, метафорически экспрессивно характеризующими речь: *нести* (*городить*, *пороть*, *молоть*, *плести*) *ахинею*. Когда каждый из участников спора в своего оппонента «запустил» этим словом, все говоримое обессмыслилось.

Ведущий А. Норкин подлавливает оппонента (А. Никонова) на неточности им сказанного: *Целая группа теперь к нам придёт*. В этой фразе дискутанта ощущается опасение, но причина опасений не ясна: обобщенное слово *группа* лишь затемняет смысл, а не проясняет сказанного. Такое неясное выражение мысли участника дискуссии становится поводом продолжить ведущему «троллить»

участника программы, с издевкой выражая недоумение вопросом (*помидоры – это цитрусовые*?), повода для которого сам дискутант не давал. Последующее возражение ведущего звучит или поучающе-насмешливо (*...даже светоч должен понимать разницу между цитрусовыми культурами и помидорами*), или грубо наставительно (... *сами не должны ахинею допускать в своей речи*).

Другой дискутант (С. Железняк) разворачивает бессмысленный спор: *Вы цитрусовые что ли рекламируете? Да цитрусовые разрешили! Где наши производители – где цитрусовые*?

К речевому взаимодействию снова подключается А. Никонов и пытается исключить из дискуссии тему Сирии, затевая разговор про содержимое холодильника у россиян:

Семен Багдасаров что-то продолжает говорить.

Перебивает А. Никонов: *Слушайте, вы столько много времени говорите про эту Сирию, хотя 99,9 процентов россиян интересует не Сирия, а холодильник*.

С. Багдасаров: *Идите на передачу...в другую студию.* ***У вас что, с головой вообще что ли? Идите про холодильник разговаривайте в соседний зал. Он что, сумасшедший что ли?***

А. Никонов: *И сразу в мире не будет никакой международной напряжённости*.

С. Багдасаров: *При чём здесь холодильник?*

А. Норкин: *Ну, просто* ***у кого-то разум находится в одном месте, у кого-то – в другом.*** *Семён Аркадьевич, окей. Правильно ли я вас понимаю, что глубинного смысла в высказываниях Эрдогана в отношении Америки, критических, искать не стоит?*

Третий активный участник (С. Багдасаров) воспринял попытку А. Никонова сменить тему как троллинг – и стал с обидой в ответ тоже троллить оппонента, оскорбляя его, грубо апеллируя при этом то к ведущим, то к залу: *У вас что,* ***с головой вообще что ли?*** *Идите про холодильник разговаривайте в соседний зал. Он что,* ***сумасшедший*** *что ли?*

Завершается эта часть диалога издевкой, высказанной А. Норкиным в адрес того же участника А. Никонова: ... *просто у кого-то разум находится в одном месте, у кого-то – в другом*. Утверждение о «неопределенности местонахождения разума» содержит грубый намек, издевку. Так все главные участники «заглушили» оппонента, свое место «расчистили», утвердив лишь себя в праве выступать на дискуссионной площадке.

Таким образом, в диалогической медиаречи троллинг выступает в виде закрикивания, оскорбления, насмешки, перевода темы раз-

говора в иное русло, издевки, намека, обвинения, которое оспорить невозможно и т. п. Задача троллинга в этих обстоятельствах – превратить речь другого в посторонний шум в двух целях: либо на фоне «умолкания» другого быть услышанным только самому, либо суметь выделить какую-то идею, кажущуюся важной. Структурно троллинг в диалогической речи предстает в виде «безответных» реплик, т.е. не получающих реакции стимулирующих реплик-провокаций. В качестве основных форм троллинга в СМИ выделяются: подшучивание, высмеивание и обессмысливание чужих высказываний, издевка над оппонентом, провокация его на грубое поведение, а важнейшими способами выражения этих форм являются эпатажные речевые игры, в основе которых – использование двусмысленности высказывания, тематический сдвиг, алогизм в изложении материала, снятие патетики и переакцентуация смыслов.

Троллинг в письменной монологической речи

В монологическом тексте троллинг используется, с одной стороны, для придания остроты информационному потоку, эпатажности (что активизирует использование тематических сдвигов и алогизмов), с другой – для прекращения бессмысленного диалога с целью разрежения информационного потока (для чего привлекаются различные средства создания комического эффекта). В первом случае можно говорить о деструктивном характере троллинга, который становится шумом в общем информационном потоке. Во втором же – разрушение взаимодействия имеет конструктивную основу, очищая информационный поток от лишней информации. Рассмотрим примеры.

Одним из наиболее грубых приемов троллинга, часто используемых СМИ, является переход на личности. Он представляет собой намеренный уход от предмета общения, подменяемого нападками на человека: «Когда же дело доходит до личности, то предмет уходит совершенно на задний план и нападение направляется на личность противника язвительно, злобно и грубо» (Шопенгауэр, 2017).

Переход на личности имеет целью уничтожение коммуникации не сильными аргументами, а через уничтожение собеседника как личности. Этот прием используется в тех случаях, когда носитель альтернативной троллю позиции выглядит в целом убедительно, а его аргументы изначально кажутся сильнее. Так, в тексте, озаглавленном «Запредельная наглость» (Life.ru. 29.10.2016), провокацион-

ный характер выражен уже грубым заголовком, дающим оценку не только сложившейся ситуации, но и человеку, высказавшему свою точку зрения. Основной задачей автору видится создание такой атмосферы, при которой аргументы участников предшествующей коммуникации К. Райкина и поддерживающего его точку зрения О. Табакова не имеют ни единого шанса быть услышанными, а их позиция превращается в информационный шум. Дело в том, что уже в начале текста чужой голос (К. Райкин) звучит в авторской модальной рамке возмущения: ***Даже не верится**, что всё это **взаправду. Руководитель театра «Сатирикон» Константин Райкин на полном серьёзе** говорит о цензуре и попрании свободы творчества в России. Причиной стали не **репрессии власти** в ответ на острую политическую сатиру или **хлёсткое обличение пороков** нашего общества. **А простое возмущение граждан** тому, что на их налоги на государственных площадках **систематически демонстрируются грязные акты педофилии и оскверняются религиозные святыни.***

Тезис К. Райкина подается как заведомо абсурдный: для этого использованы просторечная лексика (*взаправду, на полном серьезе*) в сочетании с развернутой номинацией оппонента, что способствует опрощению тезиса; антитеза (*хлесткое обличение пороков – простое возмущение*) в сочетании с противительным союзом *а* в сильной позиции добавляет высказыванию ироничности; а натуралистичные детали (*грязные акты педофилии*) полностью перечеркивают позицию противника. В дальнейшем натуралистичность текста в передаче происходящего на сцене только усиливается, а детали становятся все более неприглядными: *Кроме того, этот христианский священник **страстно целуется с мужчиной, хулит Святое причастие, занимается каннибализмом**, а также молится перед **«распятием», которое изображает обнажённая женщина, подвешенная над сценой.** В спектакле также **показываются сексуальные отношения с ребенком.*** Таким образом автор провоцирует волну возмущения аудитории, незаметно для нее подменяя изначальный тезис противника о необходимости цензуры обсуждением проблем освещения педофилии, что, в свою очередь, позволяет беспрепятственно перейти к обсуждению личности оппонента, окончательно оставив в стороне первоначально затронутую тему: *Протест против этой **мерзости** и называется **у Райкина покушением на свободу творчества.** Боюсь, что не за такую свободу был **расстрелян Гумилёв, похоронен в безымянной могиле Мандельштам** и **затравлена Ахматова***. Объединение в одном смысловом блоке стилистически окрашенного существительного

мерзость и фамилий известных русских поэтов (*Гумилев, Мандельштам, Ахматова*), безусловно, воспринимается саркастически и в очередной раз настраивает аудиторию против аргументов Райкина, как бы убедительны они не были. Сами аргументы, к слову, приводятся в очень усеченном виде.

Прямое низведение личности наблюдаем в следующем отрывке: *И после этого всего* ***Райкин умудряется требовать*** *у Минкульта* ***ещё*** *денег,* ***хотя*** *в этом году* ***театр уже получил примерно 235 млн рублей.*** *...Если вспомнить, что* ***Табакова два раза ловили за руку на воровстве бюджетных средств****, а* ***Райкин строит 19-этажный отель для своей труппы****, то зрелище вообще принимает сюрреалистические очертания.* Отбор неподтвержденной информации уже стилистически окрашен, отсутствие сильного аргумента подменяется обилием цифр, усиливающих отрицательные образы «ненасытного коммерсанта» (К. Райкин) и «вора-рецидивиста» (О. Табаков).

В завершение текста автор выводит читателей на обсуждение глобальной проблемы этики в искусстве, расширяя таким образом контекст первоначального высказывания и выдавая общепризнанное мнение за одну из точек зрения: ***Есть мнение***, *что тратить средства из наших карманов и против нашей воли на творческие эксперименты — это* ***аморально само по себе****.* ***Искусство должно стараться быть*** *независимым и востребованным. Тогда* ***зритель сам проголосует рублём****, что ему интересно, а что нет.*

Таким образом, используемый в троллинге прием перехода на личности представляет собой планомерную подмену обозначенных в начале тезисов, имеющую целью уход от изначально сильного аргумента и его последующее высмеивание через оскорбление оппонента. Это грубая форма троллинга, поэтому активизируются различные средства выражения отрицательно-оценочных значений.

Иногда в публикациях массовых интернет-изданий, в которых речь идет о трагической ситуации, языковой игрой создается не соответствующая ситуации комичная модальная рамка. Для примера обратимся к заметке из газеты «Фонтанка» под названием «На Шуваловском швея отбилась от насильника с помощью молотка» (Fontanka.ru. 7.09.2015). Текст начинается с абсурдной фразы: ***Неудачей*** *закончилась попытка сексуального нападения на швею в Приморском районе. Женщина* ***отбилась от обнаженного насильника молотком****.* Называя несостоявшееся изнасилование *неудачей*, автор встает на позицию обвиняемого, а не жертвы, для которой подобный исход можно назвать удачей, – такой перифраз делает изложе-

ние абсурдным. Более того, абсурдности изложению добавляет каламбур *отбилась молотком*. В сочетании с дополнительными деталями (*обнаженного насильника*) это способствует не эмпатии и сочувствию, а скорее скабрезности. Далее в тексте используется подмена объекта сочувствия, заявленного в заголовке: *Как стало известно «Фонтанке», **поздно вечером** 6 сентября **у 41-го дома** по Шуваловскому проспекту **прохожие** увидели **мужчину без одежды и с разбитой головой**. Он **просил о помощи**. **Медики госпитализировали** его, а сотрудники полиции **по обильным следам крови без труда пришли** к ателье по пошиву одежды. В нем находилась испуганная **31-летняя швея с телесными повреждениями***. Обратим внимание, что для описания правонарушителя использованы языковые средства, в совокупности формирующие образ жертвы: на это «работают» указание на время суток (*поздно вечером*), описание окружающей обстановки (*у 41-го дома, прохожие*), детализированное описание самого мужчины (*мужчину без одежды и с разбитой головой*), его действий (*просил о помощи*) и последовавших за ними действий окружения (*медики госпитализировали, сотрудники полиции по обильным следам крови без труда пришли*) и т. д. В то же время для описания потерпевшей использована канцелярская конструкция, характерная для текстов полицейского протокола (*31-летняя швея с телесными повреждениями*), которая неуместно представляет женщину не жертвой, а, скорее, субъектом гражданско-правовых отношений. Характерно, что в газетном сообщении отсутствует отрицательная оценка преступления, в то время как по отношению к жертве мы встречаем пренебрежительно звучащую разговорную номинацию *кредиторша*.

Ироничность концовке придает сочетание метафоры и вводного слова: *Как сообщили «Фонтанке» друзья женщины, она обратилась в Следственный комитет с заявлением о совершенном в отношении нее преступлении. Ее **активное сопротивление, впрочем,** пока **стоит на пути правосудия.** Вероятный насильник, оказавшийся 26-летним уроженцем города Когалым, получил серьезную травму головы и допросу пока не подлежит*.

Все обозначенные средства в совокупности лишают ситуацию трагичности, а герои предстают в ролях, не соответствующих их первоначальному положению. При отсутствии должной этической оценки описываемого ирония, направленная против жертвы, приобретает звучание троллинга-издевки именно против жертвы.

Иногда троллинг используется в случаях, когда другие способы полемики уже не работают, потому что противник не способен

внимать разумным доводам. Вот какова устная реакция официального представителя МИД РФ Марии Захаровой на сообщение о переименовании русского названия украинского города Днепропетровск в Днепр:

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова сказала на брифинге в Сочи: «После таких решений, которые абсолютно оторваны от исторических реалий, я, честно говоря, ***начала переживать за возможное сокращение и других названий*** *таких городов, как Херсон, Запорожье».*

Верховная рада Украины в четверг приняла постановление о переименовании города Днепропетровск в Днепр в рамках закона о декоммунизации (Захарова пошутила насчет переименования городов Украины. РИА Новости. 19.05.2016).

Грубую форму насмешка не принимает, потому что грубые слова не проговариваются и не прописываются, хотя восстановить недосказанное никому не составляет труда, – так нелепость поведения украинских законодателей обнажается до предела. Троллинг демонстрирует установку на прерывание обмена смыслами там, где перспектив у коммуникации нет.

В качестве еще одного конструктивного эффекта троллинга отметим высмеивание бессмысленности высказываний, действий, деятельности персоны. Примером является материал «Христос, Будда, Тутанхамон, Чингисхан – великие украинцы! И только Пушкин – еврей...» (Комсомольская правда. 13.03.2015). В заголовке, конечно же, можно уловить иронию, которая развивается далее по тексту: *Такое* ***всемирно-историческое открытие*** *сделал ученый с Незалежной Валерий Бебик.*

Бебик – ***не какой-то там*** *деревенский историк-самоучка.* ***Достойный ученый муж*** *– доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, проректор Университета «Украина», председатель Всеукраинской ассоциации политических наук... Еще в 90-х работал главным консультантом в пресс-службе Администрации первых президентов Украины Кравчука и Кучмы. Ныне – руководитель рабочей группы по социальным коммуникациям Общественного гуманитарного совета при Президенте Украины. Ведущий радиопрограммы «Из глубины тысячелетий». Его научные статьи регулярно публикует официальный орган Верховной рады «Голос Украины».*

Перечисление всех званий ученого в одном тексте – уже троллинг, особенно на фоне первой ироничной номинации, передан-

ной с помощью отрицательной конструкции (*не какой-то там деревенский историк-самоучка*). Важную роль в создании иронической интонации играют, с одной стороны, компоновка фактов, в контексте которой перечисление открытий ученого становится бессмысленным, а с другой – стилистический контраст. Последний формируется сочетанием сниженной и патетической тональности (*Бебик – **не какой-то там** деревенский историк-самоучка. **Достойный ученый муж** – доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, проректор Университета «Украина», председатель...*). Эти приемы помогают читателю ощутить неприкрытую издевку над исследованием ученого, открытия которого делаются под давлением политической конъюнктуры. Троллинг, достигаемый использованием комических приемов, направлен на очищение информационного пространства от лишнего «шума».

Заключение

Подводя итог, еще раз отметим, что троллинг из анонимного сетевого общения превратился в активно использующуюся традиционными СМИ речевую практику. Интенционально троллинг можно охарактеризовать по-разному: иногда как разрушающее коммуникацию самоутверждение, иногда как грубую корректировку полемистов, уводящих разговор в сторону от предмета полемики, а иногда это предложение позабавиться, снять напряжение, развлечься. Структурно троллинг представляет собой в диалогической речи – метатекстовую стимулирующую реплику, которая не предполагает ответа. В монологической письменной речи – это способ ведения авторской речевой партии. Смысловые и стилистические формы троллинга различны: издевка, даже сарказм, а иногда – подтрунивание, подшучивание над говорящим, обыгрывание содержащейся в чьей-то речи двусмысленности, неопределенности или откровенной глупости.

Примечания

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-5506.2016.6 «Личность творца в зеркале современной российской журналистики: модель ценностно-организующего речевого воздействия».

[2] Однако Т.А. Воронцова стремится разделить речевую агрессию и троллинг, утверждая, что «конечная цель агрессора – захват коммуникативного пространства и превращение диалога в монолог», а «игровая сущность троллинга определяется тем, что он имеет диаметрально противоположную цель – инициировать или активизировать коммуникативный процесс, коммуникативной неудачей троллинга будет отсутствие реакции на данные агрессивные действия» (2016: 113). Здесь требуется внести уточнение. Диалогом называется не только непосредственное реплицирование двух общающихся, но и взаимодействие их смысловых позиций. Точнее все-таки сказать, что тролль провоцирует продолжение коммуникации, но, поскольку он игнорирует общую тему разговора, диалог как обмен смыслами тролль, конечно, разрушает.

Библиография

Акулич М.М. Интернет-троллинг: понятие, содержание и формы // Вестн. Тюменск. ун-та. 2012. № 8. С. 47–54.

Внебрачных Р.А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестн. Удмуртск. ун-та. Сер. Философия. Социология. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 1. С. 48–51.

Воронцова Т.А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестн. Удмуртск. ун-та. Сер. История и филология. 2016. № 2. С. 109–116.

Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2012.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб: Златоуст, 1999.

Ксенофонтова И.В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 285–294.

Лутовинова О.В. Языковая личность в виртуальном дискурсе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2013.

Немыка А.А., Ушаков А.А. Дискурсивное пространство текста: троллинг как элемент некооперативной речевой стратегии современной интернет-коммуникации // Вестн. Российск. ун-та дружбы народов. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2012. № 4. С. 68–71.

Семенов Д.И., Шушарина Г.А. Сетевой троллинг как вид коммуникативной деятельности // Междунар. журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 135–136.

Спиридонова В.А., Третьякова Е.А. К вопросу о неэтикетном речевом поведении в электронном дискурсе // Вестн. С.-Петербургск. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 3. С. 168–171.

Шопенгауэр А. Наша личность – первое условие счастья: [философские трактаты: пер. с немецкого]. М.: Э, 2017.

Baker P. (2001) Moral panic and alternative identity construction in Usenet. *Journal of Computer-Mediated Communication* 7(1): 0. doi:10.1111/j.1083-6101.2001.tb00136.x

Binns A. (2012) Don't Feed the Trolls! Managing Troublemakers in Magazine's Online Communities. *Journalism Practice* 6(4): 547–562.

Buckels E., Trapnell D. & Paulhus D. (2014) Trolls just want to have fun. *Personality and Individual Differences*: https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.016

Castells M. (2006) *The theory of the Network Society*. Cornwall, Great Britain: MGS Books Ltd.

Donath J.S. (2010) *Identity and Deception in the Virtual Community*. London.

Herring S.C., Job-Sluder K., Scheckler R., Barab S. (2002) Searching for safety online: Managing "trolling" in a feminist forum. *The Information Society* 18 (5): 371–383.

Phillips W. (2015) *This Is Why We Can't Have Nice Things. Mapping the Relationship between Online Trolling and Mainstream Culture*. MIT Press.

Shin J. (2008) Morality and Internet Behavior: A study of the Internet Troll and its relation with morality on the Internet. In: McFerrin K. et al. (eds.) *Proceedings of Society for Information Technology & Teacher Education International Conference*. Las Vegas, Nevada, USA: Association for the Advancement of Computing in Education (AACE): 2834–2840.

Van Djik T. (1999) *The Network Society: Social Aspects of New Media*. London: Sage.

References

Akulich MM. (2012*)* Internet-trolling: ponyatie, soderzhanie i formy [Internet Trolling: Concept, Content and Forms]. *Vestnik Tyumenskogo universiteta* 8: 47–54.

Baker P. (2001) Moral Panic and Alternative Identity Construction in Usenet. *Journal of Computer-Mediated Communication* 7(1): 0. doi:10.1111/j.1083-6101.2001.tb00136.x

Binns A. (2012) Don't Feed the Trolls! Managing Troublemakers in Magazine's Online Communities. *Journalism Practice* 6(4): 547–562.

Buckels E., Trapnell D., Paulhus D. (2014) Trolls Just Want to Have Fun. *Personality and Individual Differences*: https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.01.016

Castells M. (2006) *TheTheory of the Network Society*. Cornwall, Great Britain: MGS Books Ltd.

Donath J.S. (2010) *Identity and Deception in the Virtual Community*. London.

Galichkina E.N. (2012) *Kompyuternaya kommunikatsiya: lingvisticheskiy status, znakovyie sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer Communication: Linguistic Status, Semiotic Means, Genre Space: Extended abstract of Dr. philol. sci. diss.] Volgograd.

Herring S.C., Job-Sluder K., Scheckler R., Barab S. (2002) Searching for Safety Online: Managing "Trolling" in a Feminist Forum. *The Information Society* 18 (5): 371–383.

Kostomarov V.G. (1999) *Yazykovoy vkus epokhi: iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media* [Language Taste of the Epoch: from Observations on the Speech Practice of Mass Media]. St. Petersburg, Zlatoust.

Ksenofontova I.V. (2009) Spetsifika kommunikatsii v usloviyah anonimnosti: memetika, imidzhbordy, trolling [Specifics of Communication Under Anonymity: Memetics, Imageboards, Trolling]. In: *The Internet and folklore*. Moscow: 285–294.

Lutovinova O.V. (2013) *Yazyikovaya lichnost v virtualnom diskurse* [A Linguistic Persona in Virtual Discourse: Extended abstract of Dr. philol. sci. diss.] Volgograd.

Nemyka A.A., Ushakov A.A. (2012) Diskursivnoe prostranstvo teksta: trolling kak element nekooperativnoy rechevoy strategii sovremennoy internet-kommunikatsii [Discursive Space of the Text: Trolling as an Element of Non-Cooperative Speech Strategy of Modern Internet Communication]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhbyi narodov. Seriya: Voprosyi obrazovaniya: yazyiki i spetsialnost* 4: 68–71.

Phillips W. (2015) *This Is Why We Can't Have Nice Things. Mapping the Relationship between Online Trolling and Mainstream Culture*. MIT Press.

Schopenhauer A. (2017) Our Personality is the First Condition of Happiness [philosophical tractates]. Moscow.

Semenov D.I., Shusharina G.A. (2011) Setevoy trolling kak vid kommunikativnoy deyatelnosti [Network Trolling as a Kind of Communication Activity]. *Mezhdunarodnyiy zhurnal eksperimentalnogo obrazovaniya* 8: 135–136.

Shin J. (2008) Morality and Internet Behavior: A Study of the Internet Troll and Its Relation with Morality on the Internet. In: McFerrin K. et al. (eds.) *Proceedings of Society for Information Technology & Teacher Education International Conference*. Las Vegas, Nevada, USA: Association for the Advancement of Computing in Education (AACE): 2834–2840.

Spiridonova V.A., Tretyakova E.A. (2012) K voprosu o neetiketnom rechevom povedenii v elektronnom diskurse [Towards Non-Etiquette Verbal Behavior in Electronic Discourse]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika* 3: 168–171.

Van Dijk T. (1999) *The Network Society: Social Aspects of New Media*. London: Sage.

Vnebrahnykh R.A. (2012) Trolling kak forma sotsialnoy agressii v virtualnyih soobschestvah [Trolling as a Form of Social Aggression in Virtual Communities]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Psihologiya. Pedagogika* 1: 48–51.

Vorontsova T.A. (2016) Trolling i fleyming: rechevaya agressiya v internet-kommunikatsii [Trolling and Flaming: Verbal Aggression in Online Communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. «Istoriya i filologiya»* 2: 109–116.

Поступила в редакцию
29.08.2017